Сиротство

длиною в жизнь

Che

by Che

Сиротство длиною в жизнь

https://litres.ru/74772099
SelfPub; 2026

Аннотация

Это роман, полностью основанный на реальных событиях и рассказанный мне из первых уст. Вы будете сопереживать, плакать, осуждать, оправдывать, умиляться и удивляться, но равнодушным не останется никто.

В нем переплетаются несколько судеб. Их истории долго идут порознь, и куда они приведут, читатель узнает только в конце. Это роман о сиротстве, которое не заканчивается с детством, о боли, которую приходится прятать и о том, как трудно и как необходимо прощать.

Содержание

Глава 1 4
Конец ознакомительного фрагмента. 9

by Che
Сиротство длиною в жизнь

Глава 1

Глава первая

Сначала была тяжесть.

Она лежала на мне, плотная, сырая, и не давала вздохнуть. Я хотела повернуться на бок и не смогла: тело ощущалось чужим. Хотела пошевелить пальцами, и они медленно, с трудом ушли во что-то мягкое, холодное, вязкое, что тут же сомкнулось вокруг них.

Глаза я не открывала, веки были неподъемными, будто на них положили по маленькому холодному камешку на каждое. Мне казалось, что я еще сплю и вижу странный сон, в котором у меня нет тела. Есть только тяжесть и где-то внутри нее — я. Мне было четыре года, и я не знала, что лежу под землей.

Тело было ледяным, и холод шел не снаружи, а изнутри, из самых костей. Пахло сеном, зерном и сухой пылью старых мешков. Запах был так близко, что казалось, он у меня во рту и в носу. У самого уха что-то шуршало и осыпалось тонкой струйкой, замолкало и снова начинало сыпаться. Я слышала, как стучит мое сердце, и вот тогда мне стало страшно.

Я хотела позвать маму, как звала ее ночью, когда мне снился плохой сон. Хотела позвать свою младшую сестренку Ашуру, но губы не слушались.

Потом пришли голоса.

Сначала издалека, как сквозь воду, потом ближе. Женский плач, высокий, надорванный. Не плач даже, а причитание, протяжное. Кто-то снова и снова повторял имя Всевышнего, сбиваясь, захлебываясь и начиная сначала.

Мужской голос сказал:

— Не трогайте. Пусть земля заберет.

— Сколько держать? — спросил другой.

Я не понимала этих слов, не понимала, кого не трогать и что должна забрать земля. Я только чувствовала, как холод медленно поднимается от ног, будто я захожу в реку, шаг за шагом, а она все прибывает: вот уже у колен, вот у живота, вот подбирается к горлу.

Я открыла рот с усилием, но губы были сухими, потрескавшимися, а на зубах скрипнул песок. Голоса не было. Из горла вышел только воздух. Тогда я открыла глаза. Сначала все было серое, мутное, а потом из этой мути надо мной прорисовалось лицо.

Сбившийся набок платок, мокрый, с налипшими соломинками. Прядь волос, прилипшая ко лбу. Красные, распухшие веки. Мама. Она наклонилась так низко, что я почувствовала ее дыхание, а ее слезы падали мне на лоб, теплые, одна за другой, и скатывались к вискам. Секунду она смот-

рела на меня, не веря, и вдруг закричала.

— Глаза! Она открыла глаза!

А потом ее лицо качнулось, начало темнеть по краям и сворачиваться, как сворачивается в печке горящая бумага.

И снова стало темно, тихо, но уже совсем не страшно. Ведь мама была рядом.

Очнулась я в больнице.

Сначала вернулся запах. Хлорка, что-то кислое, лекарственное, от чего щипало в носу и хотелось чихнуть. Потом пришли звуки. Где-то гремело железное ведро, шаркали чьи-то тапки, то приближаясь, то уходя по коридору, за стеной долго и тяжело кашлял старик. И только потом, когда я привыкла ко всем этим звукам, пришел свет.

Потолок был белым, в тонких трещинах, похожих на ветки дерева, с желтым пятном в углу. Я долго смотрела на него, не моргая, и не могла понять, почему небо стало таким низким, а солнце совсем не жжет глаза.

Тело и разум возвращались ко мне по частям. Сначала пальцы. Я пошевелила ими под одеялом — раз, другой — и удивилась, что они слушаются. Потом руки, тяжелые, ватные. Потом ноги, которые я почувствовала не сразу и долго не верила, что они мои. Простыня была жесткой, накрахмаленной и хрустела подо мной при каждом движении.

Я повернула голову, медленно, потому что шея болела.

На соседней койке, совсем близко, лежала моя маленькая сестра Ашура.

Койка была слишком большой для нее. Казенное одеяло, серое, с синей полосой по краю, натянули ей до самого подбородка, и под ним почти ничего не было видно. Волосы рассыпались по наволочке русыми прядями. Она не двигалась.

Я лежала и считала ее вдохи, один, второй, третий, и начинала заново. Смотрела, как одеяло едва поднималось и опускалось у нее на груди, и каждый раз, когда оно замирало чуть дольше, у меня перехватывало дыхание. Она открыла глаза не сразу. Сначала дрогнули ресницы, потом сморщился нос, как всегда морщился по утрам, когда ей не хотелось просыпаться. Потом она посмотрела на меня. Не заплакала. Не позвала маму. Высунула руку из-под одеяла, маленькую, с растопыренными пальцами, и потянулась ко мне через проход между койками.

Я тоже потянулась к ней, изо всех сил, сколько позволяло тело.

Наши пальцы не достали друг до друга. Мы тянулись, тянулись, и между ними все время оставалась пустота шириной в ладонь, хотя между кроватями было не больше шага. В палату вошла медсестра, в белом халате, с закатанными рукавами. Она посмотрела на нас, на две протянутые руки над проходом, поставила на тумбочку металлический лоток, взялась за спинку Ашуриной кровати и с тихим скрежетом придвинула ее к моей. Вплотную. Это мои самые ранние воспоминания. До этого нет ничего. Пустота, темная, как земля, из которой меня достали.

Медсестра поправила на нас одеяла, подоткнула края и ушла, прикрыв дверь. Ашурина ладошка была горячая и влажная, а пальцы цепкие, как у котенка. Она сжала мою руку и больше не отпускала, даже когда засыпала. Я лежала на боку, лицом к ней, и боялась пошевелиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.